

Владимир МАЛАХОВ

ГРАЖДАНСТВО КАК КОНЦЕПТ И ИНСТИТУТ: ЧТО, КАК И ЗАЧЕМ ИЗУЧАТЬ¹

«Гражданство», в том смысле, в котором мы сегодня употребляем этот термин, есть феномен Модерна. (Я сознательно отвлекаюсь здесь от явления, которое обозначалось тем же словом в античности.²) Гражданство – это специфический способ связи между государством и населением. Специфический, присущий Модерну (и не присущий домодерновому периоду) способ взаимодействия между государством и населяющими его людьми. Такой способ взаимодействия вытекает из характерного для Модерна понимания суверенитета и, соответственно, легитимности власти. Если в домодерновый период сувереном (т.е. источником власти и авторитета) является монарх, то с наступлением Модерна сувереном является «народ». (Речь, разумеется, идет о базовых политических фикциях, а не об эмпирической реальности). И если в домодерновый период леги-

¹ Данная статья в целом воспроизводит текст доклада, прочитанного автором на первом заседании регулярного семинара ЦИПГИ (27 октября 2009 г.). Добавлен лишь справочный аппарат.

² См. разъяснения автора в материалах дискуссии (С. 207; 213-214 настоящего издания).

тимация власти осуществляется через апелляцию к ее сакральному происхождению (монарх как помазанник Божий), то с Модерном такая легитимация возможна только через апелляцию к «воле народа», т.е. граждан.

Поэтому Руссо поступал вполне логично, когда вводил в оборот метафору «гражданской религии», *religion civile*.

Далее. Гражданство – это такой способ взаимодействия между властью и индивидами, при котором последние рассматриваются как *равные* (друг другу). Население – в идеале – не делится на категории (когда представители разных категорий обладают различным объемом прав, обязанностей и привилегий), а представляется как относящееся к одной категории, и эта категория – «граждане». Гражданами – опять-таки, в идеале – являются *все* индивиды, проживающие на территории данного государства. Еще раз подчеркну, что такой способ видения (и основанное на таком видении общественное устройство) получает распространение относительно недавно.

Две перспективы рассмотрения гражданства

Существуют две основные перспективы, из которых принято рассматривать феномен гражданства. Это перспектива *солидарности* и перспектива *конфликта*.

В первой из этих перспектив делается упор на *принадлежности* индивидов некоей (политической) общности. В результате основными понятиями рассуждения на тему гражданства становятся «консолидация», «интеграция»

(часто – с предикатом «национальная»), «принадлежность», «идентичность», «обязательства».

Во второй из упомянутых перспектив акцент смещается с солидарности на *неравенство*. На процедуры, в результате которых определенным группам отказывают в доступе к социальным благам (или ограничивают такой доступ). Гражданство в рамках такого подхода – это инструмент, позволяющий сгладить социальный протест.

Власть имущие, или высшие классы, – обладатели экономических и политических ресурсов, т.е. собственности на средства производства и средства принуждения – делятся с низшими классами неким объемом социальных благ, рассчитывая получить взамен согласие с существующим порядком вещей.

Назовем (с изрядной долей условности) первую из этих перспектив *либеральной*, а вторую – *марксистской*.

Сразу скажу, что вторая из этих двух мне симпатичнее. Не потому что я твердокаменный марксист. А потому, прежде всего, что перспектива солидарности чревата морализмом.

Она имплицитно – а иногда и эксплицитно – содержит в себе некий прогрессистский эволюционизм (или эволюционистский прогрессизм).

Вдохновенные разговоры о «гражданине» (который совсем не «подданный»), о «гражданском сознании», противопоставление активных «граждан» пассивному «населению», а также (хорошей) «гражданской нации» – (плохой) «этнической нации» и т.д. – за всем этим, как правило, не скрывается ничего, кроме моралистических тривиальностей. Более того, рассуждения о политических культурах в духе вульгаризированных Альмонда и Вербы (*civic cul-*

ture в противовес «подданнической» и «приходской» культурам) таит в себе европоцентричные коннотации.

Мысля в таких категориях, мы молчаливо предполагаем, что «золотой миллиард», состоящий из европейцев и североамериканцев, сформировал «гражданскую культуру» (и потому материально процветает), тогда как остальные 5/6 человечества все никак не могут дорасти до этой стадии (и, наверное, потому и прозябают в нищете).

Иными словами, мой выбор в пользу перспективы конфликта обусловлен тем, что эта перспектива, как мне кажется, лучше позволяет анализировать механизмы включения и исключения, лежащие в основе феномена гражданства.

Проблематика гражданства – это, прежде всего, проблематика исключения. Ибо условием возможности самого этого института является наличие, наряду с гражданами, неграждан. Наряду с обладателями прав – тех, кто их лишен.

Гражданство как «идея» и как принцип организации политического пространства

Согласно классической типологии Томаса Маршалла, существуют три типа прав, которым соответствуют три типа гражданства.

1. «Цивильные» права (*civil rights*)¹. Это право на неприкосновенность личности (*habeas corpus*), предусматривающее, что человек не может быть лишен свободы без решения суда², право на справедливое судебное разбирательство, свобода совести (т.е. свобода вероисповедания), свобода слова и т.д. Этот корпус прав начинает формироваться с последней трети XVII ст. (В частности, *habeas corpus* впервые вводится в Англии в 1679 г.) Поначалу эти права распространялись только на имущих, но со временем были распространены на всех (в этом смысле все стали «гражданами»).

2. Политические права (*political rights*). Это право избирать и быть избранным в органы власти, а также право создавать политические партии. Данный корпус прав складывается с конца XVIII в. Обладание политическими правами, опять-таки, поначалу ограничено. Существует жесткий имущественный и образовательный ценз, который постепенно смягчается.

3. Социальные права (*social rights*). Это 8-часовой рабочий день и оплачиваемый отпуск, т.е. право на отдых, минимальная оплата труда, право на пособие в случае утраты трудоспособности и т.д. Этот корпус прав формируется, начиная с последней трети XIX ст.

¹ Об этом несколько искусственном переводе понятия «*civil rights*» см.: Малахов В.С. Гражданство как объект социальной и политической теории: критическое введение // Капустин Б.К. Гражданство и гражданское общество. М.: ИД «Высшая школа экономики», 2010. С. 9.

² На практике это означает, что никто не может быть взят под стражу без предъявления обвинения; срок задержания подозреваемого без предъявления обвинения регулируется законом (обычно он не превышает 48-72 часов).

Подход Т. Маршалла, однако, имеет существенные ограничения. Дело в том, что три типа «гражданства» в том

виде, как они представлены английским социологом, выглядят как три этапа постепенной гуманизации человеческого общества, поступательного шествия от низшего к высшему. Так сказать, восхождения – от ситуации, в которой и объем прав, и количество тех, кто ими наделен, ограничены, к ситуации, когда их обладателями являются все члены определенного общества, а сами эти права затрагивают не только политико-юридическую, но и социальную сферу. Иными словами, типология Маршалла выдержана в просвещенческой логике. Тем самым затушевывается то обстоятельство, что права не столько *предоставлялись* обладателями власти, сколько *добывались* в борьбе теми, кто был их лишен. Предоставление прав было не результатом морального прозрения общества (этакого «прогресса в сознании свободы», говоря гегелевским языком), а результатом изменений в соотношении политических сил¹. В известном смысле права не «даются», а «берутся». Не следует рассматривать правовую сферу как полностью автономную от политической сферы.

¹ См.: *Tilly Ch. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere // Citizenship, Identity and Social History*, ed. by Ch. Tilly. Cambridge: Press Syndicate of the University of Cambridge, 1995. (International Review of Social History, 40, Supplement 3). P. 223–237; *Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг.* М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010.

Идея гражданства в марксистской перспективе

Глядя из марксистской перспективы, история идеи гражданства выглядит следующим образом¹.

1789–1830-е – буржуазия начинает и выигрывает.

Я имею в виду политическую и идеологическую победу «третьего сословия», которую оно одержало сначала во Франции (Французская революция), а затем в Англии (отмена ограничений на свободную куплю-продажу рабочей силы в середине 1830-х гг.). При этом на условное «четвертое сословие» гражданство не распространяется. Ни крестьяне, ни промышленные рабочие в число граждан не входят.

1840–1870-е – борьба социальных низов за пересмотр отношений господства.

Это и чартизм, и первые профсоюзы рабочих, и революционные события 1848 г., и борьба за право на забастовку. В результате на рубеже 1870–1880-х гг. в ряде стран Европы правящие классы меняют модель управления. Они переходят к постепенному расширению числа включенных, постепенно распространяя гражданские права на «низшие классы».

1880–1930-е – формирование элементов *welfare state* (государства всеобщего благосостояния). В этот период

¹ Нижеследующее изложение представляет собой компиляцию из источника: *Rueschemeyer D, Huber S.E., Stephens J.D. Capitalist Development and Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1992.*

происходит наделение трудящихся классов политическими правами, а также постепенное распространение политических прав на женщин (к 1920-м гг. женщины получили политические права в большинстве западных стран)¹.

1949–1979 гг. – «золотой век» *welfare state*. Три десятилетия после Второй мировой войны принято так называть потому, что в этот период в странах мирового капиталистического «ядра» имел место экономический рост (хотя и приостановленный кризисом 1973 г. На фоне этого роста произошли расширение и укрепление социальных прав, завоеванных в прежнее время.

1980–2008 гг. – неолиберальный поворот. В течение последних двух десятилетий XX в. происходит откат от *welfare state*, причем не только на институциональном, но и на идеологическом уровне. А именно институты, ассоциируемые с «государством всеобщего благосостояния» (в частности, разветвленная система социальной защиты) не просто сворачиваются, но само это свертывание происходит отчасти при поддержке общества. Ведь адептов идеологии, которую позже назовут «неолиберализмом», приводят к власти избиратели. Подозрительное отношение к слишком большому государству и соответственно идеи «саморегулирующегося рынка» и «минимального государства» становятся доминирующими в общественном сознании².

¹ Здесь мы не затрагиваем гендерный аспект проблематики гражданства, о котором – огромная масса литературы на английском и очень немного работ на русском. См.: Арутюнян М., Здравомыслова О., Курильски-Ожвен Ш. Образ и опыт права. Правовая социализация в изменяющейся России. М.: Весь мир, 2008.

² Речь, разумеется, идет в первую очередь об общественном сознании стран Западной Европы и Северной Америки. Однако, как известно, эти страны занимали господствующие позиции в

Не исключено, что после 2008 г. наступил некий новый этап. Идеология саморегулирующегося рынка утратила былую привлекательность. Она перестала казаться безальтернативной. Даже главы западных государств заигрывают с риторикой «солидарной свободы» – не говоря уже об оппозиционных политиках лево-социалистической ориентации.

Быть может, предложенная здесь хронология кому-то покажется искусственной. Но, как бы то ни было, она позволяет отойти от имплицитного прогрессизма в рассуждениях о гражданстве. А для того чтобы в отказе от прогрессизма сохранить последовательность, уместно – вслед за Майклом Манном – вести речь не об (абстрактной) *идее* гражданства, а об (исторически и политически конкретных) *режимах* гражданства.

Режимы гражданства в типологии М. Манна

В исследовании, ставшем хрестоматийным¹, Майкл Манн выделил следующие «режимы гражданства» применительно к индустриально развитому миру (сразу оговоримся, что временные рамки исследования ограничены периодом с 1800 г. по конец 1980-х гг.).

мировой политико-экономической системе, а в той мере, в какой идеология господствующих групп является господствующей идеологией, можно считать, что неолиберальный поворот в конце XX – начале XXI в. был характерен для мира в целом. Во всяком случае, в неолиберальный тренд охотно вписались и страны Восточной Европы, и государства, образовавшиеся после распада СССР, и большинство стран Латинской Америки, и Китай.

¹ *Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // Sociology, Vol. 21. No. 3. P. 339–354 (1987).*

- либеральный;
- реформистский;
- фашистский;
- авторитарно-социалистический;
- авторитарно-монархический.

При этом от последнего из перечисленных режимов позволительно отвлечься, т.к. он, строго говоря, не предусматривал универсального гражданства – население было поделено на сословия, каждое со своим объемом прав; кроме того, этот режим ушел с исторической сцены после Первой мировой войны вместе с – не пережившими этой войны – Российской и Австро-Венгерской империями.

Устройство либерального режима гражданства таково:

- полнота «цивильных» прав;
- полнота политических прав;
- минимальные (если вообще существующие) социальные права.

Или, в другой терминологии, данный режим предусматривает:

- полное гражданское гражданство (civil citizenship);
- полное политическое гражданство (political citizenship);
- минимальное социальное гражданство (social citizenship).

В 1990-е гг., после того как потерпел крах советский эксперимент, либеральный режим гражданства сделался доминирующим. Идеологически он стал казаться едва ли не безальтернативным. Не случайно в российском публичном поле того времени все, кто критически относился к либеральному режиму гражданства, были маргинализированы. Их шельмовали либо как адептов коммунистической идеи, либо как сторонников ультранационализма и едва ли не фашизма. В начале 1990-х для их стигматизации даже

был изобретен термин – «красно-коричневые». В правозащитных кругах в России сама постановка вопроса о социальном гражданстве воспринималась как недоразумение¹.

Между тем либеральный режим никоим образом не является единственно возможным (и в этом смысле «естественным»).

На протяжении XX ст. существовало несколько альтернатив этому режиму. Покажем их в виде табл. 1.

Таблица 1

Альтернативные режимы гражданства с 1920-х по 1980-е

Тип гражданства	В чем состоит	Где и когда имел место
Реформистский ²	Расширение социальных прав без сужения гражданских и политических, или, в другой терминологии: максимизация социального гражданства без ущерба для гражданского и политического	Страны Западной Европы в период расцвета <i>welfare state</i> 1949–1979 гг.

Окончание табл. 1

¹ «Права человека», которые защищают профессиональные правозащитники, обычно понимаются ими исключительно как гражданские права (плюс политические права). Что же касается права на труд, на жилище, на достойную оплату труда, на охрану здоровья и т.д., то работники правозащитных НПО имеют обыкновение смотреть на них свысока. От них нередко приходится слышать, что подобные вещи – предмет сугубо материальных интересов, а потому не входят в корпус «прав человека».

² О реформистском режиме гражданства см.: *Turner B.S. Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism. London: Allen and Unwin, 1986.*

I. Политико-философские и теоретико-политические аспекты

Тип гражданства	В чем состоит	Где и когда имел место
Фашистский	Предоставление социального гражданства определенным группам населения за счет исключения других групп как из политического, так и из гражданского гражданства	Италия 1922–1944 гг. Германия 1933–1945 гг. Япония 1930–1945 гг.
Авторитарно-социалистический	Широкие социальные права при минимизации гражданских и отсутствии политических прав. В другой терминологии: предоставление социального гражданства за счет редукции гражданского и упразднения политического гражданства	СССР и его сателлиты После 1991 г. – Куба

Развивая типологию М. Манна, можно выделить другие альтернативы либеральному режиму гражданства, появившиеся за последние тридцать лет. Их можно типологизировать следующим образом (табл. 2):

- патримониальный;
- авторитарно-капиталистический;
- неолиберальный;
- этноцентристский.

Примером *патримониального режима* могут служить Венесуэла Уго Чавеса, Белоруссия Александра Лукашенко, а также ряд ближневосточных стран – Ирак и Сирия в эпо-

ху правления баасистов (партий арабского социалистического возрождения), Ливия времен «Джамахирии».

Таблица 2

Режим	Характеристика
Патримониальный	Расширение социального гражданства при сужении гражданского и политического
Авторитарно-капиталистический	Сужение социального гражданства при негарантированном гражданском и отсутствующем политическом
Неолиберальный	Сужение социального гражданства при сохранении гражданского и политического
Этноцентристский	Ограниченное социальное гражданство при исключении определенных групп (по этническому признаку) из политического гражданства и ограничении для них гражданского

Авторитарно-капиталистический режим гражданства складывается в Китае, начиная с реформ Дэн Сяопина.

Неолиберальный режим в наиболее «чистом» виде формируется в странах Восточной Европы после 1989 г.

Что касается стран Западной Европы и Северной Америки, то здесь происходят процессы двоякого рода. Во-первых, наблюдается *демонтаж реформистского режима*, наметившийся в результате идеологической победы неолиберализма в 1990-е. Сегодня – задним числом – эту победу датируют рубежом 1970–1980-х гг. (когда в Великобритании утвердился «тетчеризм», а в США – «рейганизм»). Од-

нако в те годы об идеологическом господстве «неоконов»¹ речи не шло. Настоящий триумф неолиберализма случился после распада советского блока и самого Советского Союза. Во-вторых, в странах классической либеральной демократии после событий 11 сентября 2001 г. происходит определенное сужение гражданского гражданства. Этот процесс описывается в литературе как «формирование государства национальной безопасности».

Отдельного обсуждения заслуживает случай Эстонии и Латвии после 1992 г. Эти два балтийских государства преподнесли Европе невиданный ею доселе режим гражданства. Мы назвали его *этноцентристским* потому, что в условиях данного режима значительная часть населения страны из гражданства вообще исключена, причем основанием исключения является, по сути, этническое происхождение². Абсурдность ситуации, как будто, очевидна. Во-первых, речь идет об отказе в статусе граждан (и соответственно о поражении в правах) огромной части постоянно-го населения страны. В результате в Европе в конце XX в. возникла правовая диковинка по имени «неграждане» (официальный статус, выражающийся, среди прочего, в особых паспортах). Во-вторых, тем самым нару-

¹ Так называемый неоконсерватизм, будучи на риторическом уровне критичным по отношению к либерализму, на уровне экономической политики полностью совпадает с программой «неолиберализма».

² Хотя формально-юридически дело выглядит как возвращение к ситуации до 1940 г. (потомки тех, кто были гражданами этих государств до их аннексии Советским Союзом, считаются гражданами, независимо от этнического происхождения), на деле в положении исключенных из гражданства оказалось именно «этнически чуждое» (русскоязычное) население.

шается один из базовых принципов организации политики эпохи Модерна, согласно которому высшим источником власти

в государстве (субъектом суверенитета) является народ, понимаемый как «демос» (т.е. территориальное сообщество). В случае же Эстонии и Латвии таким субъектом объявлен «этнос». Несмотря на всю скандальность этих двух обстоятельств, официальные представители Евросоюза на протяжении двух десятилетий предпочитали, в лучшем случае, лишь слегка пожуричь латвийское и эстонское руководство.

Разумеется, я не питаю иллюзий относительно всеохватности приведенной здесь типологии. Пожалуй, единственное достоинство, на котором я бы решился настаивать, заключается в попытке выйти за рамки европоцентризма¹.

Между прочим, одна из целей нашего проекта – преодолеть европоцентристскую ограниченность (и методологически, и эмпирически). Методологически – опираясь на работы теоретиков миросистемы – причем не только в валлерстайновской ее версии, но и в версии Анре Гундера Фрэнка и Самира Амина, которые русскому академическому сообществу известны меньше, чем И. Валлерстайн². Эм-

¹ У самого М. Манна европоцентристский уклон совершенно оправдан. Он оговаривается, что его предмет – индустриально развитый мир. А сюда на протяжении всего XIX в. и вплоть до последней трети XX-го относился, по сути, только Запад (к которому в определенный период присоединилась Япония).

² См. *Frank A.G. Re-Orient: Global Economy in the Asian Age*. NY.: University of California Press, 1998; *Amin S. Obsolescent Capitalism: Contemporary Politics and Global Disorder*. London: Zed Books, 2003.

пирически – делая предметом изучения режимы гражданства, формирующиеся в незападном мире.

Гражданство как концепт

Брайан Тернер, один из самых плодовитых авторов, пишущих на темы гражданства, выделил три традиции в осмыслении этого феномена¹.

Он связывает различия в характере обсуждения проблематики гражданства с различиями в политических и интеллектуальных традициях. Это британская, американская и европейско-континентальная традиции.

Ядро *британской традиции* – либеральное институциональное устройство, которое должно защитить индивидов от неравенства и жестокости рыночной системы. Ключевые темы обсуждения: социальный класс и капитализм, а ключевой автор – уже упомянутый нами Томас Маршалл.

Американская традиция формировалась в ходе борьбы с британской имперской системой, а потому неслучайно, что ее идейное ядро – радикальный эгалитаризм. Эта традиция осмысления гражданства определена напряжением следующего свойства. С одной стороны (на уровне теоретических и идеологических деклараций) – приверженность принципу Равенства (эгалитаризм). С другой стороны (на уровне социальных и политических практик – вопиющее неравенство, прежде всего по отношению к двум группам: (а) чернокожим и (б) новым иммигрантам (прибывшим в Америку во время иммиграционных волн 1880-х и 1920-х гг.). Отсюда «этническое разнообразие» и «плюрализм» в качестве ключевых тем обсуждения в данной традиции. Что касается ключевых авторов, то это, конечно, Алексис де Токвиль².

¹ См.: *Turner B.S. Outline of a Theory of Citizenship // Citizenship: Critical Concepts / Ed. by B. S. Turner and P. Hamilton. Vol. 1. London and New York: Routledge, 1994. P. 199–226.*

И, наконец, *европейско-континентальная – прежде всего германская – традиция.*

Она сформировалась под влиянием трех событий: (а) Французской революции 1789 г., революционных событий в Европе 1848 г. и объединения Германии 1871 г. В основе данной традиции – коллизия приватной и публичной сфер (уровня индивидов и их семей, с одной стороны, и уровня государства, с другой). Ключевая тема немецкого дискурса о гражданстве: государство как гарант свободы индивидов. Что до ключевых авторов, то это (не считая Гегеля) – Макс Вебер и Карл Шмитт.

Итак, как выглядит «идея гражданства» в каждом из перечисленных случаев?

В британском случае это, в первую очередь, идея равного доступа к социальным благам (вернее, устранения препятствий к такому доступу для классов, находящихся внизу социальной лестницы), в американском случае идея гражданства – это идея равных возможностей (которые ничем не гарантированы), а в немецком случае идея гражданства – это, прежде всего, идея гарантий (идущих от государства).

Откуда произошли эти различия?

Чтобы ответить на этот вопрос сколько-нибудь вразумительно, нам не обойтись без обращения к различиям в социально-классовой структуре.

В Англии к середине XIX в. сложилась, с одной стороны, сильная буржуазия, а с другой стороны – достаточно сильный, организованный рабочий класс. Буржуазия продуцировала идеи либерализма (как политического, так и экономического), а рабочий класс был источником идей тред-юнионизма и социализма. Именно поэтому с идеей гражданства в Англии и в Великобритании вообще связан

² См. *Токвиль А.* Демократия в Америке: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1992.

*поиск классового компромисса*¹. И именно поэтому в британских политических дискуссиях тема *citizenship* – это, прежде всего, тема равного доступа к социальным ресурсам. Совсем не случайно, что маршалловская типология прав (*civic, political, social*), родилась именно в Англии.

В Германии того же периода была совсем иная социально-классовая структура и соответственно иная идеология. Здесь сложилась сильная земельная аристократия (юнкерство), тогда как буржуазия была слаба, а рабочий класс разрознен и лишен политического представительства². В этих условиях немецкий «средний класс» (чиновничество, профессура, журналисты, мелкие торговцы, гимназические учителя и т.д.) вырабатывает своеобразную идеологию. (Ту самую «немецкую идеологию», истоки которой проанализированы в одной известной книге.)

Государство рассматривается в этой идеологии как патрон (опекун, заботливый хозяин) и вместе с тем как гарант индивидуальных прав и свобод. Государство выступает здесь не в качестве *арбитра* (в споре нескольких политических субъектов), а в качестве *опекуна* (лишенных политической субъектности индивидов).

¹ См.: Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе. С. 5–8.

² Весьма примечательно, что в 1880 г. немецкие рабочие получили возможность иметь своих представителей в парламенте. Если смотреть на дело с нормативной точки зрения, это был явный прогресс на пути построения более справедливого общества. Однако, по сути, данное нововведение было тактической уловкой, поскольку рабочие депутаты не могли ни на что повлиять. В 1889 г. тот же парламент принял ряд антисоциалистических законов. Последние, вкупе с неясностями в законодательстве, позволяли властям произвольно вводить запреты (на забастовки, собрания, митинги, рабочую прессу и т.д.).

В немецком контексте свобода граждан предстает не как результат борьбы, а как результат вмешательства государства. Свобода, таким образом, не есть нечто, что достигается в процессе противостояния различных агентов действия. Она есть нечто, что обеспечивается сверху.

Отсюда проистекает и типичное для немецких образованных классов подозрительное отношение к идеям рабочей демократии (*working class democracy*¹). Они воспринимаются в Германии не иначе как вредное англо-саксонское изобретение и, к тому же, как вызов (немецкой) культуре и угроза национальному началу в общественно-политической жизни.

В *Соединенных Штатах*, опять-таки, своя специфика. В американской идеологии (она же – американская мечта и американский миф) общество воображается как совокупность свободных предпринимателей, действующих в условиях «равных возможностей». Этот миф сохраняет поразительную устойчивость. Он не утрачивает притягательности вопреки бесконечному количеству его эмпирических опровержений. Почему? Прежде всего, потому, что в Америке, в отличие от Европы, никогда не существовало сословных привилегий. Индивиды могли стартовать в конкуренции в равных условиях (разумеется, речь идет о формальном равенстве).

Но это не единственная и не главная причина веры Америки в индивидуальное усилие и вытекающего из этой веры недоверия к коллективистским идеям (таким как социализм). Главная причина – в особенностях диспозиции сил на политико-экономическом поле.

Кто совершал Американскую революцию, т.е. воевал за независимость Америки от Англии? Землевладельцы, торговцы, мелкие фермеры, ремесленники. Все они – белые мужчины. Их, в отличие от небелых мужчин и от женщин,

¹ Об этом явлении см.: *Collier R.B. Paths Toward Democracy: The Working Class and Elites in Western Europe and South America.* Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

не так-то просто было исключить из гражданства, т.е. лишить гражданских и политических прав.

В Северной Америке белые трудящиеся (мужского пола) получили политические права к 1840 г. (на 50 лет раньше, чем в Европе!). За счет кого это произошло? За счет (а) «цветных» (чернокожих), (2) новых иммигрантов и (3) женщин.

Как показывает М. Манн, уникальность данного случая состоит в том, что американские рабочие *включены в политическую систему не на классовой, а на корпоративной основе* – не в качестве класса, а в качестве одной из «групп давления». Эта группа участвует в торге за привилегии наряду с другими. Американские профсоюзы, сложившиеся в тот период, – это не выразители интересов людей труда как таковых, т.е. классовых интересов, а выразители интересов определенной группы внутри трудящихся классов¹. Иными словами, американские рабочие – это не столько социальный класс, сколько группа интересов, или корпоративное сообщество, которое торгуется с другими группами интересов на политическом рынке. Для увеличения своих рыночных преимуществ они используют свой *ресурс* (а именно, *этничность и квалификацию*) против других – иноэтничных и низкоквалифицированных – слоев трудящихся.

Таким образом, белый рабочий класс в Америке *инкорпорирован в либеральный режим гражданства*. Поэтому совершенно неудивительно, что идеи класса и классовой солидарности (т.е. идеи социализма) не могли стать в Америке организующим принципом борьбы за власть. Они и сегодня совершенно маргинальны в американском контексте.

¹ *Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // Citizenship: Critical Concepts / Ed. by B. S. Turner and P. Hamilton. Vol. 1. London and New York: Routledge, 1994. P. 67–68.*

За пределами марксистской перспективы

У перспективы анализа, которую мы обозначили как марксистскую, множество достоинств. Но она уязвима, по крайней мере, в одном отношении. Это ее равнодушие к «культурным» аспектам общественной жизни, к проблематике «идентичности».

Между тем, проблематика гражданства – это не только проблематика прав (т.е. доступа к коллективным благам), это еще и проблематика участия индивида в политической общности, именуемой нацией. А значит, переживания ими своей принадлежности нации, а также добровольно взятых на себя обязательств, обусловленных этой принадлежностью.

Иными словами, есть целый ряд вопросов (и они связаны с «идентичностью»), которые в марксистской парадигме просто не обсуждаются.

Например, как и почему случилось так, что одни политические общности конституированы по *индивидуалистическому* образцу (гомогенное правовое пространство, признающее исключительно индивидуальных граждан как субъектов права), а другие – по *коллективистскому* образцу (гетерогенное правовое пространство, допускающее групповые права). К числу последних относится, например, Ливан, где доступ представителей различных религиозных общин к власти жестко квотируется, причем эти квоты закреплены Конституцией. Другой случай коллективистской организации политики – Канада, где у франкоязычных жителей Квебека целый ряд законодательно предусмотренных привилегий.

Одним из первых, кто систематически стал изучать эту проблематику, был Аренд Лейпхарт. Его исследование

о специфике и вариативности политического устройства в так называемых «многосоставных сообществах» давно стало классическим¹. Во всех случаях, о которых писал Лейпхарт (и которые сегодня составляют предмет «сравнительной политики»), дело идет о конфликтах и противоречиях, обусловленных *культурной* принадлежностью². Кластеры, на которые разделено общество в целом ряде стран, – это, прежде всего, *сообщества идентичности*. Люди группируются, консолидируются (и, напротив, отграничивают себя от других) по признаку веры, языка, или происхождения, а не по признаку разного отношения к собственности на средства производства. Они видят себя (и действуют сообразно этому видению) в качестве суннитов и алевитов, шиитов и курдов, а не в качестве бедных и богатых, эксплуатируемых и эксплуататоров, собственников и несобственников.

Другой вопрос: почему тезис о секуляризации оказался фальсифицированным? Почему, несмотря на прогрессиру-

¹ См.: *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. М.: Аспект-Пресс, 1997.

² Весьма любопытно, что к числу оснований, по которым общество может быть разделено на сегменты, относится *идеология*. Так, США вплоть до 1950-х гг. могут рассматриваться как общество, состоящее из «республикански» (консервативно) и «демократически» (либерально) ориентированных сообществ. Идеология лежала в основе раскола общества в Уругвае (где две соперничающие партии некоторое время пытались поддерживать паритет). В Нидерландах до 1970-х гг. третьим сегментом общества, наряду с католиками и протестантами, были секулярные силы. В Израиле, помимо деления населения на этническом основании (евреи и арабы), принципиальное значение имеет деление еврейского сегмента на религиозных ортодоксов и секулярных евреев.

ющую «модернизацию», в целом ряде регионов современного мира – причем не только в странах исламского ареала – приверженность той или иной конфессии определяет социальное поведение?¹

И как объяснить различие в понимании природы политического сообщества, в «кодах общности», распространенных в той или иной стране? Почему в одних случаях наблюдается весьма широкая терпимость к культурно-этническому разнообразию, а в других – одержимость ассимиляцией (причем как со стороны публики, так и со стороны бюрократии)? Почему, например, французы вводят законодательный запрет на ношение хиджаба ученицами государственных школ, в то время как в Великобритании министр внутренних дел просит приходящих к нему на прием мусульманок приоткрывать скрытое паранджой лицо?

О современных трансформациях в сфере гражданства

Что происходит в наши дни в интересующей нас сфере (как на институциональном, так и на концептуальном уровне)?

Фундаментальное изменение, как мне представляется, заключается в *несовпадении границ государства и границ гражданства*.

Коль скоро гражданство характеризует не только юридическую принадлежность, но и принадлежность социаль-

¹ Пожалуй, самым авторитетным автором, ставящим под сомнение утверждение, будто модернизация с необходимостью влечет за собой секуляризацию, является Питер Бергер. См.: *The desecularization of the world: resurgent religion and world politics*. Ed. by *Peter L. Berger*. Washington, D.C.: Ethics and Public Policy Center; Grand Rapids, Mich., 1999.

но-культурную (а именно членство индивида в определенном сообществе), то нельзя не заметить, что в наши дни эти два измерения гражданства все дальше расходятся. Гражданство, взятое как «членство», перестает совпадать с территорией государств, на которой граждане проживают. Это обстоятельство обсуждается в политической философии и политической теории в таких терминах, как «сверхнациональное гражданство» и «транснационализм», а также в таких, как «экономическое гражданство», «гендерное гражданство», «культурное гражданство» и т.д.

Начнем с примера, иллюстрирующего наложение друг на друга различных «членств». (Этим примером я обязан австрийскому социологу и правоведу Райнеру Баубёку.) Представим себе выходца из Турции курдского происхождения, иммигрировавшего сначала во Францию, получившего там гражданство в результате натурализации, а затем переехавшего на постоянное жительство в Германию. Как обладатель турецкого и французского паспортов он является гражданином двух государств одновременно (двойное гражданство во Франции разрешено). Это значит, что он участвует в выборах в национальные парламенты Франции и Турции, а также в выборах муниципального уровня в Германии. Кроме того, будучи гражданином ЕС, он участвует также в выборах в Европейский парламент. И, наконец, будучи членом воображаемой курдской нации, он может участвовать в политической и социальной поддержке курдских проектов в Европе или в Турции.

Другой характерный пример трансформаций гражданства в современном мире – самосознание работников транснациональных корпораций. Мы привыкли связывать гражданство с идентичностью и лояльностью. Индивиды, являющиеся гражданами определенного государства, пользуются правовыми гарантиями, предоставляемыми этим государством, платя ему

тем, что несут перед ним определенные обязательства. Государство обеспечивает их право на труд, социальные выплаты, пенсионное обеспечение и проч., а граждане проявляют свою принадлежность данному государству, демонстрируя патриотические чувства, а также проходя службу в вооруженных силах (если, конечно, воинская повинность в этом государстве не отменена). Однако в случае, если источником упомянутых гарантий выступает определенная транснациональная корпорация, то и лояльность индивидов переадресуется с государства этой ТНК. Сегодня немало граждан бедных и неблагополучных, с точки зрения социальной защиты государств, мечтают о том, чтобы стать «гражданами» *Microsoft*, *Sony* или какой-либо иной им подобной организации. Между прочим, такие организации в наши дни предлагают и символическое сопровождение членства (логотип, функционирующий как герб, канцтовары, рубашки и сумки с корпоративной символикой, флаг, совместное отмечание корпоративных праздников и т.д.)¹. Чем не эрзац гражданства?

Итак, налицо разрыв связи между гражданством как статусом и гражданством как членством. Форсируя это обстоятельство, ряд авторов ведут речь, например, о «гендерном» или «экологическом» гражданстве. (Первое основано на лояльности феминистским идеям, второе – на лояльности идеям экологизма). Разумеется, это не гражданство в юридическом смысле слова. Но, если рассматривать этот феномен сквозь призму участия, то приходится констатировать, что участие индивида в том или ином «сообществе идентичности» не нуждается в посредничестве государства².

¹ См.: *Маяцкий М.* Демократия как судьба // *Логос: философско-литературный журнал.* 2004. № 2 (42). С. 3–14.

² См.: *Кастельс М.* Могущество самобытности // *Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Инозем-*

Некоторые авторы идут при этом еще дальше, выдвигая тезис о «постнационализме». У истоков этого тезиса стоит британско-американский социолог Йасемин Соисал³. Исследовательница подкрепляет свой тезис следующими аргументами.

В послевоенный период, особенно после 1970-х, произошли существенные сдвиги на правовом, институциональном и нормативном уровнях (начиная от Хельсинского соглашения 1975 г. и заканчивая многочисленными конвенциями о защите меньшинств, подписанными большинством государств).

В результате «права человека» стали гегемониальным принципом мирового уровня. Но бенефициаром «прав человека» является не гражданин, а человеческий индивид (*human being*). Отсюда вытекают два следствия. Первое: стирается грань между гражданином и негражданином. Неграждане, постоянно проживающие на территории демократических стран, обладают практически тем же объемом прав, что и граждане. Второе: государство перестает выступать не только единственной, но и решающей инстанцией соблюдения таких прав. Гарантии соблюдения прав человека предоставляются инстанциями международного уровня (например, Европейским судом по правам человека). Национальные государства признают приоритет международного права над национальным. Это означает, что в случае нарушения своих прав гражданин получает возможность добиваться их восстановления вопреки неже-

цева. М.: Академия, 1999. С. 296–308.

³ *Soysal, Y. Limits of citizenship: migrants and postnational membership in Europe. Chicago: University of Chicago, 1994.*

ланию властей государства, гражданином которого он является.

Кроме того, Я. Сойсал и ее единомышленники обращают внимание на возрастающую легитимность «права на сохранение культуры» (оно же – право на идентичность). Документы ООН, ЮНЕСКО и Совета Европы кодифицировали это право.

В результате «право на идентичность» превратилось в инструмент организации солидарностей и мобилизации ресурсов. Причем это касается как исторических меньшинств (будь то баски в Испании или татары в России), так и меньшинств, образуемых иммигрантами. Яркая иллюстрация такой эволюции – институционализация ислама в Западной Европе и Северной Америке¹.

И хотя тезис о наступлении эры постнационализма выглядит, по меньшей мере, преждевременным, несомненным остается одно. Феномен гражданства в глобализирующемся мире претерпевает глубокие трансформации. И наша задача – фиксировать и анализировать эти изменения.

¹ Так, в ряде государств (например, в Бельгии) практикуется государственная поддержка всех конфессий, а ислам признан в качестве одной из «официальных» конфессий. В ряде других стран (например, в США) государство не только демонстрирует «равноудаленность» от всех конфессий, но и заботится о символических мерах, демонстрирующих равенство всех религий в публичной сфере. Среди таких мер – возведение исламского культурного центра в Манхэттене в непосредственной близости от разрушенных 11 сентября 2001 г. башен-близнецов. Много полезнейшей информации о роли ислама в общественной жизни США содержится в книге «Мусульмане в публичном пространстве Америки: Надежды, опасения и устремления». М.: Идея-Пресс, 2005.